

КОГДА Алиса повстречала в Зазеркалье Шалтай-Болтая и вели они всякие занятные разговоры, то просочилась в их беседе и такая реплика: «Понимаешь, это слово как бумажник. Раскройшь, а там два отделения!» Вот и книги такие бывают: распахнешь ее настезь, а там сразу две книги — одна написана, а другая нарисована. И очень им хорошо быть вместе, попав в один переплет.

Когда на титульном листе обозначено: «Рисунки Геннадия Калиновского», — именно так и случается.

Алиса права: «Кому нужны книжки без картинок...» Уж детям они точно без надобности.

Но не все коты — чеширские, не все художники способны рисовать для детей. Не так-то просто юркнуть след за Алисой в Кроличью нору или шагнуть сквозь зеркальную границу, присесть рядышком с Винни-Пухом в Зачарованном Месте. Калиновскому это оказалось под силу — и, на наше счастье, он в Зазеркалье прижился, ходит запросто вместе с Братцем Кроликом к Матушке Мидоус с девочками, болтает с Шалтаем-Болтаем, дружит с гарантийными человечками и пьет чай как ненормальный — сами знаете, у кого в гостях. И вместе с их создателями рассказывает нам про тамашнее житье-бытье.

Именно так: не им — детям, а нам — всем.

Вирджиния Вулф констатировала: «...Обе книги об Алисе — книги не детские. Это единственные книги, в которых мы становимся детьми». Ну, не единственные, конечно, но речь в данном случае о том, что ностальгия по детству, столь часто в нас присутствующая, — сиречь ностальгия по Зазеркалью. Потому что плохо, когда у человека нет своего Зазеркалья — ну, не то чтобы совсем уж плохо, а вот не хватает чего-то, недостает, и жизнь в результате оказывается наполненной не до самых краешков. Чисто «географический» значительная часть Зазеркалья расположена в Стране Детства. Во всяком случае, такое впечатление, что ребят в Зазеркалье пускают охотнее, чем взрослых. Впрочем, взрослые вырастают, как известно, из детей, а значит, у них не все потеряно насчет Зазеркалья. Сдается, именно это имела в виду Вирджиния Вулф. И Калиновский — своими иллюстрациями.

Поиграли — и будет? Поиграли — и будем. Не случайно же за прыжками Белого Кролика с упоением следят очень взрослые и серьезные люди — лингвисты, физики, философы. Покувыркавшись в Зазеркалье, они куда лучше начинают ориентироваться во всамделишной реальности. Кэрролла, как подметил Честертон, «не только учил детей стоять на голове; он учил стоять на голове и ученых. А это для головы хорошая проверка». Это могли бы подтвердить и сам Чеширский Кот, и Шалтай-Болтай, и Калиновский.

В отличие от Чарльза Лютзи-

джа Доджсона, прописавшегося в Зазеркалье под именем Льюис Кэрролла, Калиновский своего имени не менял. Он был занят другим: вослед Кэрроллу менять наши представления о конструкции мира, которая не так уж неизблема, статична (наверняка Эйнштейн читал Кэрролла), в возможностях игры как генератора воображения, о собственных возможностях, наконец. В общем, предложил постоять на голове, которой это пошло на пользу: панталык стал покрепче. И если, читая Кэрролла, понимаешь, что игра слов в кошки-мышки стоит свеч, то, рассматривая Калиновского, убеждаешься, что мышления в разных плоскостях лечит от плоскости мышления.

И ведь очень серьезная задача — а с лица художника не сходит улыбка, словно с морды Чеширского Кота, — и когда Белый Кролик казуистически балансирует на канате перед присаживаемыми, а тут же в плаху, имеющую вид ионической капители, воткнул мясницкий топор.

УЛЫБКА ЧЕШИРСКОГО КОТА

Г. КАЛИНОВСКИЙ. Из иллюстраций к книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

и отсеченные мраморные античные головы молча намекают на крепкие традиции сего шемякиного суда; и когда предстают перед нами неведомые Брему саранчашка и саранчайник, торшершень и баобабочка; и когда в Зазеркалье идет пир, пир не то что горой, а прямо-таки кучей-малой — пир поистине кэрролловский — столько здесь самых ПИРчудливых ПИРсонажей и ПИРсон...

И неужели вы думаете, что все это выдумка? Да. Ничуть. Спросите хоть у Шекспира: «Мы созданы из вещества того же, что наши сны...»

Не случайно разговор о Калиновском вести уместнее именно с «Алисой». Ведь подлинный Калиновский как раз с нее и начался — а уже седина мелькала тогда в его волосах.

Что же было до этого?

А были сначала присланные махачкалинским паренком на конкурс «Пионерской правды» рисунки на громкую эпическую тему — «Гибель нибелунгов». Сорос третий год шел, шел об руку с войною, и, наконец, символично, что русский мальчик покрывал бумажный лист фигурами злобных древних воинов в пору, когда их последний пядь за пядью пятались по нашей истрадававшейся земле к своему окончательному краху...

Первый приз получил тогда за эту работу школьник Гена Калиновский из Махачкалы, а вместе с ним и подписанное председателем жюри конкурса Демонтием Алексеевичем Шмариновым приглашение в Москву, в художественную школу-интернат. Да, еще грохотала война, а страна уже думала и о своих будущих художниках.

Будущий художник Калиновский учился дальше и в 1955-м окончил Суриковский институт. И самая трудная учеба как раз тут и началась. Институт дал,

конечно, многое, и прежде всего — прочную академическую основу профессионального умения: Борис Александрович Дактерев — педагог, знающий свое дело. Но это — капитал первоначальный (хотя прибыль с него, известное дело, получить можно...)

И вот будущий художник остался наедине с профессией, с судьбой.

Что такое была Алиса до тех пор, пока не оназалась в Страну Чудес? Да обычная добропорядочная девочка, в меру прилежная, в меру шаловливая — и только. Заурядность, в общем. Необычность, нестандартность заиграли в ней только за порогом волшебного края.

Вам хочется выразить себя полно и прямо — но где же та кроличья нора, то зеркало, куда следует шагнуть? Их писки часто занимают не один год, да и то нет никакой гарантии, что не останешься в Белых Кроликах... Сменялись календари — но ремесло не взрывалось искусством. Таял в воздухе Чеширский Кот, оставляя только ироническую улыбку.

Но одновременно с работой ВНЕШНЕЙ шла упорная внутренняя работа, учеба у мира и века.

«Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь» — так писал поэт Николай Ушаков.

Калиновский «заговорил» во второй половине 60-х — то были его иллюстрации к сборнику японских сказок «Землянина под снегом». И тут же следом пришла к нему и его «Алиса», девочка, которая помогла найти художнику дорогу в заветную страну.

Совсем иначе улыбнулся Чеширский Кот.

Но почему все же Калиновский нашел себя именно в Стране Чудес, то есть в сказке, в «детской» иллюстрации? Потому, наверное, что склад его таланта как нельзя лучше способен реализовываться именно в зде-нем неоднозначном способе бытования, именно в этой насы-

щенной озоном метафоричности атмосфере. И то, что пришел он в Страну Чудес уже в зрелом возрасте, — закономерно: что за сказочник без жизненного опыта!

Ведь сказка хоть она и игра, но — не игрушка. Сказка — это вообще, если хотите, учебник жизни. Мы почему-то говорим: красиво, как в сказке. Ну а как вам, скажем, «Девочка со спичками»? Вернее все же было бы: правдиво, как в сказке. А «красиво» — это как в кино.

«Красиво» — так про Калиновского не скажешь. Озорно, иронично, гротескно — вот это да. Так было и в «Сказках дя-дюшки Римуса» Д. Харриса, и в повестях Э. Успенского, и в «Пяти похищенных монахах» В. Ковалева...

Калиновский — большой стилист, но нет в нем бесшабашного упоения формой само по себе, ибо он прежде всего внимательный, умный читатель.

Уж, казалось бы, в «Путешествиях Гулливера» сам Свифт велел дать волю гротескному решению. Но это — только на первый взгляд. Ведь если вдуматься, чем они, лилипуты, так уж плохи: хоть и мелкие, да смелые и вполне дальные существа — Человека-Горы не испугались, использовали его в «хозяйстве». «Выходит, что они не «лилипуты», — замечает Калиновский, — а, в общем-то, сла-зные человечки, просто очень маленькие».

Ну а уж о бродбидингских великанах и говорить нечего: живут они себе своею обыною, повседневной жизнью — не великаньей воззе. И лишь крошка-Гулливер скачет меж них, как

кузнечик, — случайное недоразумение в их совершенно естественном, нормальном мире.

Для Калиновского в книге Свифта причудливая игра внешних масштабов — не главное. Пусть лилипуты по-фэбээровски деловито обмеряют платок Человека-Горы, роняют в его табакерку, пусть обеденный стол Гулливера стоит меж великаньих рюмок и пригибает он голу, когда через его лодочку-скорлупку сгасает лягушица быка величиной, — пусть так. Да, художник об этом ни в коем случае не забудет и всегда подыграет парадоксальности ситуации — например, на два развота размахнув процессию лилипутов, безущих Гулливера в свою столицу, или показав, как огромным шатром высится его шляпа на зде-нем берегу. Но гораздо важнее для Калиновского все же не сама по себе причудливость соотношения масштабов, а порождаемая этим сумма противоречий, что снедают Гулливера.

Он очень славный парень, этот Гулливер, с которым знакомит нас Калиновский. Это человек с добрым, открытым лицом, естественный, гармоничный. Он спокойно и ласково улыбается облепившим его крошкам, с любопытством наблюдает за зде-шним муравейным балом, с почтением целует изящный, несмотря на свои размеры, ноготок великанши... Но он — одинок. Оттого так печально, понунив голову, бредет он по колено в лилипутском городе, не обращая внимания на досужих зевак, усеявших крыши. Оттого так грустен он на морском берегу, глотая даль печальными глазами. Оттого не по себе проснуться ему в великаньей детской постелище под ковриком с чудовищными лебедями, в окружении таких для него жутковатых игрушек. Оттого так удрученно сидит он в чашечке цветка, затерявшись в огромном прекрасном поле — прекрасном не для него. Оттого и основной тон иллюстраций — голубовато-зеленый, задумчивый, с оттенком легкой грусти.

Отчего же так часто бывает грустен этот славный Гулливер? Да оттого, что не хочется ему быть ни всеисильным Человеком-Горой, ни потешным человеком-букашкой. Ему хочется быть подлинным человеком. У него — ностальгия по настоящему. В этом, по-моему, главный смысл иллюстраций Калиновского к Свифту.

А Калиновский — «мужайся, старое сердце» — снова вернулся к любимой своей — Алисе, к первой части ее приключений. Что ж, «Алису» можно перевести много раз — как и иллюстрировать. И хоть бывал уже Калиновский и на безумном чаепитии, и играл во флиминговый крокет у Королевы, и откусывал кусочки от волшебного гриба — будет на этот раз Страна Чудес и страннее, и чудеснее. Ведь он очень любит Алису — и она его, верно, тоже. Оттого-то так слав-но и мечтательно и улыбается им Чеширский Кот.

Алексей ЕРОХИН